

Ефим Вихрев

Берег Палешки

Ефим Федорович Вихрев

Берег Палешки

Аннотация

«Уже за Афанасьевскими холмами утонул златогранный шпиль шуйской соборной колокольни. Мы проезжаем Пустошь – грязное село овчинников-староверов. В восемнадцатом году овчинники напали тут на двух наших агитаторов из укома: одного – граблями, вилами и кольями растерзали на месте, а другому – испитому текстильщику – удалось бежать на велосипеде. За Пустошью будут сначала Большие, потом Малые Дорки. За Дорками – село Красное, а за ним и Палех...»

Ефим Вихрев

Берег Палешки

Уже за Афанасьевскими холмами утонул златогранный шпиль шуйской соборной колокольни. Мы проезжаем Пустошь – грязное село овчинников-староверов. В восемнадцатом году овчинники напали тут на двух наших агитаторов из укома: одного – граблями, вилами и кольями растерзали на месте, а другому – испитому текстильщику – удалось бежать на велосипеде. За Пустошью будут сначала Большие, потом Малые Дорки. За Дорками – село Красное, а за ним и Палех.

Оттуда, из Палеха, по всему миру расходятся неправдоподобные в своей изысканности миниатюры: шкатулочки, пудренницы, очешники, броши, портсигары, пеналы и целые письменные приборы. Там, в Палехе, люди умеют понимать красоту, ценят изящное...

Но возница мой, понукающий хромую лошадь, тоже палешанин и тоже, может быть, бывший иконописец. От него пахнет водкой, он без всякого повода ругается матерными словами, кашляет и рыгает. У него болезненное лицо. Он рассказывает мне какие-то грубые и невероятные истории.

– Вот вы спрашиваете, – говорит он, – почему я пью. Вином я лечусь. У меня желудок после войны расти начал. Сами знаете: то голод, то обжорство. До самого пупка желудок дорос. Докторица мне сначала склянку микстуры прописала.

«Принимайте, – говорит, – так-то и так-то». Я при ней весь пузырек и выдул. «Вы, – говорю, – дайте мне ведро микстуры-то, вот тогда может проймет». Потом пошел к палехскому доктору. «Пей, – говорит доктор, – каждый день не меньше половинки. Иначе, – говорит, – ничем окромя операции твой желудок не вылечишь».

Я слушаю этот нелепый рассказ, а васильки, кивающие нам изо ржи, напоминают мне о краске – голубце; рожь напоминает о тончайших сусально-золотых линиях палехского орнамента, а вся округность – о миниатюрах, кипящих нежными красками. Думать о рассказе возницы мне не хочется, но рассказ его, как рыхлый ком земли, ложится на воображаемые лаки.

Желудок до пупка, ведро микстуры и – солнечные блики из папье-маше, – как это не вяжется, – думаю я. Но... но может быть в этом есть какая-то скрытая связь.

«Пусть ваши корни проникнут до самого сердца родной земли. Вы станете могучими и полными соков». Эти слова говорил Рубенсу – в пору его ранней юности – один из учителей его Бальтен Особенный.

Почему эти слова вспомнились мне после рассказа возницы? Да, может быть Рубенс не был бы великим мастером, если бы он не познал грубую сущность фламандского мясника. И может быть только на этой проспиртованной почве могли вырасти сочные палехские цветы.

Народ здесь не живет без водки,
Имеет лавку – Спиртотрест.

Так сказал и палехский поэт-самоучка, Александр Егорович Балденков, когда-то один из лучших мастеров-иконников, а потом спившийся большевик.

Рожью, васильками, перелесками, пеньем жаворонков, словами возницы, мечтаниями и думами тянется дорога к Палеху. Вот уже переехали мы речку Люлек. Схожесть названий – Люлех, Палех – последняя память о легендарных финнах, поселившихся в этом крае. Вспомнив это, я уж начал-было думать о средоточии в Палехе трех культур: финской, византийской и фряжской (итальянского Ренессанса). Но в это время, как и полагается к концу пути, шуйская туча догнала нас и грянула пятиминутным ливнем.

Зато какие роскошные радужные ворота раскрылись перед нами! Целых три концентрических радуги заключили Палех в свои семицветные объятия. Это ли не лучшая рама для Палеха.

– Стой, – говорю я вознице, – дальше я пойду пешком.

И вот вскоре я уже шел по наклонным улицам крестообразного села. Радуги растаяли в акварельных сине-зеленых пространствах, а краснеющее солнце клонилось к Красному. Но еще не скоро стемнеет, и я успею поздороваться с тобой, мое чудное и чудное, мое единственное и неповторимое се-

ло.

Я на Горе (так называется верхняя, западная, часть Палеха). Отсюда мне видно почти все село: большой пятиглавый храм, под ним базарная площадь, дальше – за речкой Палешкой – Слобода, влево – Ковшовская Слободка, вправо – Ильинская улица с кладбищем.

То там, то тут из бревенчато-избяных дворов возвышаются двухэтажные каменные дома. Здесь на каждый десяток деревянных изб придется один каменный дом, – пропорция, которой позавидует любой уездный город. Да, святые имеют способность принимать строгие, вполне материальные формы. На мощах Анны Кашинской, Феодосия Черниговского, Серафима Саровского – выросли эти здания. Мощи распотрошила революция, палешане давно не пишут этих святых, а дома долго еще будут стоять, украшая старинный бревенчатый Палех.

Как знакомы мне эти здания. Стены их для меня прозрачны и я вижу людей в каждом здании.

Вот, например, колокольня... Она связана в моем представлении с именем трагического поэта Балденкова. Поэт был ночным пожарным наблюдателем и уже незадолго до смерти ползком поднимался по гнилым лестницам к колоколам, просиживая там до рассвета, мечтал, плакал о загубленной жизни, писал стихи. Про это свое колокольное убежище он и сказал как-то в своих «мемуарах»:

Поэт – художник – самоучка
Сидит в собачьей конуре

Там, под колоколами, услышав однажды собачий лай, он написал жуткие строки:

Лай собаки вдруг слышу раздался
И бессонный петух прокричал.
Бедный гений в мозгах застучался –
Сочинять я куплеты начал.

Ниже и правее колокольни – белое здание волостного исполкома. Внутри оно пропахло махоркой, замызгано и заплелено. Днем туда приходят мужики с хлопотами о своих лесных и земельных делах. Женорганизатора, Марию Ивановну, осаждают бабы. В ячейках – партийной и комсомольской – готовятся к какой-нибудь очередной кампании. А раньше (без этого «а раньше» никак не обойдешься) этот дом принадлежал иконному королю – Михаилу Сафонову, имевшему свои дома и конторы в Москве, в Питере, в Нижнем и в других городах.

Из своего палехского дома Сафонов управлял сотнями мастеров и десятками приказчиков. Он рассылал своих людей на работы по всей стране – в монастыри, в палаты и в храмы. Десятилетие за десятилетием, год за годом, умножалась «православных церквей лепота». И чем ярче золоте-

ли иконостасы, тем славнее и богаче становился Сафонов, тем больше дорогого убранства было в его палехском доме. Будучи вечным холостяком, он любил молоденьких горничных. Горничные менялись часто, уходя от Сафонова беременными. Была еще у Сафонова страсть к лошадям: он имел десяток прекрасных вороненых коней для выезда. Рассказывают, как однажды кучер доставил Сафонова в один час до Шуи (тридцать верст). Конечно, это удовольствие стоило бедной лошади жизни. На седьмом году революции сафоновские дорогие мебели, ковры и люстры были проданы с торгов. А сам он долго еще ходил по Палеху – сгорбленный, одинокий, мрачный. Он умер на десятом году революции на Канатчиковой даче. Труп его сожжен в крематории.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.